

МИХАИЛ КУЗНЕЦОВ

ОКО ВОЛКА

САГИ ПОСЛЕДНИХ ВОЛКОВ

12+

Михаил Кузнецов

Око волка

«Автор»

2020

Кузнецов М.

Око волка / М. Кузнецов — «Автор», 2020

В подлунном мире время течет неспешно, ведь бессмертные не замечают эпох и столетий. Великие волки, стражи земли, железным кулаком наводят порядок на землях Старого и Нового Света. Таинственные мифы незаметно правят землей «по ту сторону Днепра». И казалось, что ничто не может пошатнуть сложившийся века назад порядок. Но зверские убийства в Подмоскowie будоражит мир Востока. Воздух напитывается кровью и напряжением, каждый чувствует - что-то грядет. И тогда в Москву прибывают два детектива, посланных из Нового Света распутать нехарактерные для этой земли преступления. Однако именно их прибытие запускает цепь роковых событий, назревавших уже давно...

© Кузнецов М., 2020

© Автор, 2020

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Михаил Кузнецов

Око волка

I

– Давай быстрее, скоро посадка, – прошептала стюардесса.

Эд поднял с колен Джона и окунул головой в умывальник. Пьяный наставник сразу стал вырываться, невнятно матерясь и размахивая руками. Эд отпустил Джона, и тот, отплеываясь и тихо ругаясь, сел перед унитазом.

– Что ты там возишься? Быстрее, – бормотала девушка над ухом Эда.

– Да он тут... – пыхтел тот в ответ.

– Ааа, я!.. – гаркнул Джон и заулыбался. – Я, это...

– Заткнись уже.

Эд выволок учителя в отгороженный занавеской коридорчик перед туалетом. Стюардесса налила стакан воды и плеснула Джону в лицо. Будто это поможет после такого купания. Джон обмяк, что-то бормоча, и тихо засопел.

– Значит так, скоро посадка, и этого товарища никуда с кресла пускать нельзя. Если он хоть куда денется, то вызовем полицию. Заберут твоего дядю под белые ручки, понял?

– Понял, понял, – Эд протянул ей стодолларовую купюру.

Стюардесса спрятала купюру в карман, заглянула в салон самолета, и, буркнув «за мной», вышла. Эд поволок спящего Джона к их местам, усадил в кресло, но, видимо, неправильно, и Джон поклонился набок, к дремавшей рядом тучной чернокожей женщине.

– Никуда не пускать, – напомнила стюардесса.

– Конечно, – улыбнулся ей Эд, и засунул ей в карман еще пятьдесят долларов. – Это чтобы у других вопросов не возникло.

– Не возникнет, ты только не пускай его.

Стюардесса развернулась и пошла вдоль сидений, а Эд повернулся к наставнику. Тот уже сполз на колени к чернокожей женщине.

– Твою мать, – сквозь зубы процедил Эд.

Он начал тихонько стаскивать учителя с колен женщины, но та неожиданно открыла глаза и жестом остановила.

– Не надо, пусть лежит, так ему будет спокойней, – сказала женщина на английском и улыбнулась.

– Прошу прощения, мне очень неловко за моего дядю...

– Все нормально, он не мешает.

Джон что-то прошептал во сне, и женщина аккуратно погладила его по голове.

– Еще раз прошу прощения, но не могли бы вы приглядеть за ним, а я пока схожу... ну...

– Эд махнул в сторону туалета.

– Конечно, я его никуда не пушу, – все еще улыбаясь, ответила женщина.

Эд быстро вышел из салона и заперся в туалете – маленькой и тесной кабинке. И как он умудрился затащить сюда здоровяка Джона, да и сам потом втиснуться. Эд пустил воду из крана, умыл лицо и посмотрел в зеркало. Он не высрался вот уже трое суток подряд: под глазами появились синяки, худое, чуть угловатое лицо припухло, а густая волчья щетина была вся будто взъерошена. Он еще раз ополоснул лицо, протер глаза, пригладил растрепавшиеся черные волосы. Так вроде лучше. Эд расправил плечи, оттряхнул водолазку, потертые джинсы. Снова посмотрел в зеркало:

– Прилетел, мать его, на стажировку.

Казалось, ничего сложного, можно сказать, все увлекательно – прилети в Россию, расследуй очередное дело и возвращайся назад. Но нет, Джон еще перед вылетом выпил залпом две бутылки виски, которые буквально сбили его с ног. Четыреста пятьдесят долларов потратил Эд на эту поездку. Четыреста пятьдесят долларов! Агентам Управления хорошо платят, но не настолько же, чтобы каждый раз бросаться на взятки, уговаривая всех тех, с кем успел «пообщаться» Джон. Он всегда был таким – взбалмошным, странным, себе на уме. Мастер сыска, сильный, ловкий, Джон считался старейшим агентом. Но последнее время он вел себя более вызывающе, чем обычно.

Эд услышал предупреждение о посадке, и вышел в салон. Джон все еще посапывал у женщины на коленях, а та спокойно смотрела в иллюминатор. Эд еще раз поблагодарил добрую афроамериканку и усадил наставника в кресло. Поправил на нем пиджак, потуже затянул ремни. Сколько он носит уже этот свой мятый светло-серый костюм? Эд огляделся – не обращают ли на них внимания другие пассажиры – и, успокоенный, повернулся к храпящему наставнику. Он молодо выглядел для своего возраста, больше сорока не дашь. Короткие волосы все так же черны, но в густой бороде уже поблескивали редкие сединки. Пожалуй, на его суровом лице больше морщинок, чем должно быть, но как иначе? Он стар, очень стар, хоть и крепок, как молодой. Один из тех случаев, когда возраст придает опыт. Джон мог загнать любую известную дичь, если бы... не пил. Они, два спеца по охоте на вампиров, прилетели в Россию, чтобы выследить какую-то нечисть, а учитель пьян. Bravo, Эд, bravo. Теперь Джон будет очень долго отходить, и Эду придется самому вести расследование.

Стюардесса из громкоговорителя предупредила, о том, что самолет садится, и надо пристегнуть ремни. Салон немного трянуло, что заставило Джона сильно наклониться вперед и упереться щекой в переднее сидение. Эд хотел было усадить его назад, но решил оставить как есть, только сделал несколько фотографий на смартфон. Самолет еще раз трянуло и учитель вернулся на место. Сели.

После неинтересного монолога стюардессы о компании-перевозчике пассажиры начали вставать, доставать багаж с верхних полок. Только Эд потянулся к начальнику, чтобы поднять его, как Джон открыл глаза, вздохнул и без тени опьянения встал с кресла.

- Прошу прощения за доставленное неудобство, – обратился он к соседке на английском.
- Ничего страшного, лапочка, – улыбнулась она.

Джон поцеловал ей руку и пошел к выходу. Обалдевшему Эдварду ничего не оставалось делать, как протиснуться следом. Учитель всегда был полон сюрпризов. После двух бутылок виски и пяти часов буйства в самолете, этот человек крепко стоял на своих двоих у подножья трапа и закуривал сигарету.

- Какого хрена?..
- Успокойся, малец, – оборвал его Джон. – Меня не свалишь какими-то двумя бутылками. Мог бы и догадаться.
- Поиздеваться решил?
- Что-то вроде. Пойдем, Эдик, нас ждут.

Как только они вошли в зал ожидания аэропорта, Эду в нос ударил резкий и буйный запах, что витал вокруг. Он даже не понял его, а голова пошла кругом – в лоб будто вбили пару раскаленных гвоздей. Эд оступился и... Удара он не почувствовал, а только боль во всем теле и обжигающий нутро воздух. И лишь знакомый голос где-то вдалеке бормотал: «Расщепляй его, чувствуй по отдельности каждую нить, дыши медленно, принимай в себя». Эд чуть принюхался, и тут же почувствовал запах полыни. Принюхался еще, и уловил какого-то кота. «Молодец, чувствуй их по одному, пропускай внутрь и давай закрепиться» – голос говорил громче. Эд стал распознавать запахи один за другим, постепенно приходя в сознание. Он открыл глаза и увидел над собой лицо Джона. Худое и загорелое, покрытое морщинами и шрамами. Сейчас он был похож на глубокого старика, а борода поседела в разы. Джон улыбнулся и рывком под-

нял ученика на ноги. Вокруг стояли люди, несколько работников аэропорта, один из которых уже открывал огромную медицинскую сумку.

– С ним все нормально, просто иногда накатывает, – успокаивал их Джон.

– У нас есть медицинский пункт с квалифицированным персоналом, мы можем отвести вас туда, – ответил один из них.

Эд заметил, как люди вокруг стали расходиться.

– Не надо, видимо, он не выпил лекарства, но сейчас все нормально. Ведь нормально? – Джон чуть приподнял правую бровь.

– Да, все хорошо, – Эд посмотрел на часы. – Скоро приму таблетки.

– Если хотите, то мы можем предоставить ненадолго место в VIP-зале, или...

– Все хорошо, спасибо, – оборвал дотошного работника Джон.

Служащие переглянулись, пожелали всего хорошего и ушли.

– Точно все нормально? – спросил Джон. Его лицо теперь казалось моложе. Морщин стало в разы меньше, шрамы исчезли, а в бороде поблескивали отдельные седые волосы.

– Немного кружится голова, но терпимо.

Джон улыбнулся как-то по-доброму и неспешно пошел к выходу из зала.

– Ну, щенок, скажи, что ты чувствуешь во всей этой кутерьме?

– Много странных запахов. Здесь будто карнавал монстров... – ответил Эд.

И тут же столкнулся с полным смуглым мужиком. Тот рыкнул что-то на непонятном языке и пошел дальше. И только сейчас Эд заметил, как в зале многолюдно: кругом бегали толпы пассажиров, кричали и ругались у кассовых окон, таскали багаж, сидели в зонах ожидания. Туда-сюда прогуливались темнолицые кучерявые парни в кожаных куртках и поглядывали на окружающих с каким-то подозрительным интересом. На них в свою очередь недружелюбно поглядывали наряды полиции, совершенно случайно прогуливавшиеся следом.

– Так пахнет от этого аэропорта до самого Владивостока, – сказал Джон, проходя в открытые двери зала, ловко протиснувшись между двумя тележками с багажом. – Смешение около двухсот культур дает этот разнобой. На Востоке не проводили чисток.

– Это как «не проводили чисток»? – Эд еле увернулся от табуна толстых старушек и их чемоданов на колесиках.

– Восточнее Днепра особая территория. – Наконец они вышли на свежий воздух, где поток людей стал меньше. – Но я тебе в следующий раз расскажу, – Джон оглядел парковку перед входом, – Так. Нас должны здесь встретить. Ага, вон.

Эд увидел, как из серебристой легковой машины неопределенной марки вылезли двое мужчин. Они были до безобразия похожи, ну точно две капли. Одинаково высокого роста, смуглые, лысые, одеты исключительно в белоснежные строгие костюмы. Единственное, чем близнецы отличались, были бороды: у одного она выдавалась огромной лопатой, у другого – аккуратно подстрижена.

– Это джинны, – шепнул Джон, – братья-близнецы. Оба родом из Таджикистана. Того с бородицей зовут Бони, другого – Барфи. Барфи недавно откинулся. Пусть и из лампы, а не из тюрьмы, но это его добряком все равно не делает. И вот тебе урок: никогда не доверяй джинам.

– Никогда не доверяй маридам, малец! – Крикнул издали Бони. – Хотя джиннам тоже не доверяй!

– Они все слышат? – шепотом спросил Эд.

– Нет, мы читаем мысли! – ответил Барфи.

Джон по-дружески обнялся сначала с Бони, потом с Барфи. Эд просто пожал им руки.

– Ну и шороху ты навел, парень, – ухмыльнулся Бони, садясь в машину.

– Я и сам не ждал, что пошлют вместе с Джоном.

В ответ марида только ухмыльнулся.

Москва. Июнь 2014 года. Он был здесь, тогда, в обычном прошлом. Красная площадь, Кремль, Третьяковская галерея, Арбат, Комсомольская площадь, и еще штук пять модных ночных клубов – обычный блеск, который пускают туристам в глаза. Пускают везде, не только в Москве. Тогда он со своими приятелями две недели не вылезали из клубов, не мешая родителям наслаждаться «их Россией». Мальчишка, переросток по годам, недоносок по мозгам, как же проста была тогда жизнь. Это был его первый приезд в новую Москву.

Запах, что Эд почуял в аэропорту, все еще сшибал с ног. Он был даже сильнее дурмана макового поля: гуще, острее, разнобойней. Нигде в Европе ничего подобного не было, и быть не могло. Чертову уйму времени назад множество мифов и чудовищ вывело Управление, тогда еще Орден, а кого не вывело – загнало в резервации, где они до сих пор гниют в своей смрадной мешанине запахов. Эд не любил резервации, но по долгу службы часто там бывал, потому прекрасно знал, как пахнет всякого рода полудохлая мразь. Но здесь, в новой Москве, «его России», бушевал такой ураган ароматов, что до сих пор кружил голову. И это были запахи, которых он никогда не знал, и иные ему даже нравились. Живот сдавило словно тисками, но виду он не подавал.

– Как долетели? – спросил Бони с переднего пассажирского места.

– Да ничего... – начал Джон.

– Сейчас покажу, как долетели, – оборвал его Эд, доставая смартфон.

Он открыл фотографию, что сделал перед посадкой, и передал мариду. Бони только взглянул и тут же взорвался хохотом. Барфи, покосившись на фото, стал вторил брату. Марида смеялась бурно, гулко, словно били в набат. По очереди они смотрели на фотографию и смеялись все сильнее.

– О Аллах, я сейчас руль выпущу, – у Барфи потекли слезы.

Джон выдрал телефон из рук Бони, посмотрел на фотографию.

– Эк, – крикнул он...

... и захохотал сам. Эд сначала улыбался, наблюдая за попутчиками, потом захихикал, и вот он уже смеется в голос да на пару с Джоном поглядывает на фотографию. Пока они покатывались со смеху, Барфи какими-то чудом умудрялся держать машину на дороге. Правда, их пару раз тряхануло, но это только прибавило смеха.

– Ух... Ладно... – сквозь слезы выговорил Бони. – Если серьезно, то как долетели? Проблем не было, которые стоит решить?

– Нет, все прошло гладко, – давясь от смеха, ответил Джон. – Я устроил небольшое испытание нашему щенку, и он справился на все пять. Слышишь, малец, ты хороший волк! – Он взъерошил Эду волосы. Фирменный жест Джона, ерошить Эду волосы, так повелось с самого начала.

– Я знаю, «учитель», только руки убери, – отмахнулся парень.

– Ай-яй-яй. Не уважаешь старших, – покачал головой Барфи, все еще улыбаясь. – Нехорошо.

Дальше они ехали молча, иногда только кто-нибудь хмыкал. Все уставились в разные стороны: Барфи неотрывно следил за дорогой; Бони достал телефон и то ли играл во что-то, то ли листал страницы в интернете; Джон и Эд смотрели в окна, каждый в свое, при этом улыбки сошли с их лиц. Мимо пролетали огромные поля, далекие гряды лесов, небольшие коттеджные поселки по обе стороны. Россия – красивая страна, решил Эд, пусть и видел ее всего два раза, и то из окон автомобилей. И даже тогда она казалась ему впечатляющей, бездонной. И здесь стоял такой запах, что не было нигде на Западе, а он полетал по Западу. Аромат леса и цветов смешивался с запахом Русского Мифа, почти не тронутого. Весь Запад давно утратил свой Миф, от страха превратил его в тщедушное подобие, вонь мертвечины, не больше.

– Барфи, – раздался голос Джона, немного сдавленный.

– А?

- Ты ведь бессмертен, верно?
- Для меня нет такого понятия.
- Но ты не можешь умереть, так?
- Я вечен.
- Твою мать, Барфи, просто ответь на вопрос. Да или нет?

Марид вздохнул.

- Да, я бессмертен.
- Вот скажи, сколько ты просидел в лампе?
- Полторы тысячи лет.

Джон подался вперед, облокотившись рукой о переднее сиденье, поближе к водителю.

- Я это вот к чему: тебе там скучно было?

Барфи молчал секунд десять, а может и все пятнадцать, прежде чем ответил.

- Ну, вообще-то нет. Разве что под конец.

– Из всех полутора тысяч лет тебе только под конец стало скучно? Чем же ты там занимался все это время, раз не было скучно?

– Мужик, – на этот раз ответил Бони, не отрываясь от телефона, – мы ведь эфирные Сущие. У нас нет эмоций, а потому и понятий таких нет, как для материальных Сущих. Мы состоим даже не из других частиц, а другого вида энергии. Так что отстань уже.

- И все же ему стало скучно под конец. Почему же, раз вы эфирные?

Барфи пожал плечами:

– Я не знаю. Просто в один момент лампа перевела меня в материальное Сущее, и эмоции появились. Видимо почувяла мое скорое освобождение.

– Ага, значит, когда вы материальные существующее, то эмоции вы испытываете, – не унимался Джон. – Так вот скажи, Барф, как долго ты там просидел в образе человека?

- Сто пятьдесят три года, четыре месяца, семнадцать дней...

- И тебе было скучно. И как же ты с этим боролся?

– Ну как все борются? Читал книги, трахал иллюзорных баб, занимался спортом, изучал физику материального Сущего. Короче, всякая фигня, какой страдают люди. Когда появился Интернет...

- Что? – теперь вперед подался Эдвард. – У тебя в лампе был Интернет?

- Ну да.

- В сказочной лампе был настоящий Интернет?

- Да, был настоящий Интернет.

- Не иллюзорный?

- Нет, настоящий, подключенный к настоящему вай-фаю.

– Какой бред, – Эд откинулся на спинку сидения и стал смотреть в окно. Домов по обеим сторонам стало заметно больше.

– А как ты провел в лампу Интернет? – спросил Джон. Было видно, что он почти не верит в эту историю.

– Когда-нибудь слышал о Видовом Плюрализме Сущего? Так вот, лампа – это иллюзорная клетка, построенная в виде эфира, а на самом деле материальна в Сущем. Короче, она существует в вашем мире и подвержена тем же законам физики. Внутри нее ничего нет, а значит может быть создано что угодно. Лампа ведь без мозгов, она выполняет все желания внутри нее. Вот я и попросил у нее комп с вай-фаем достаточной мощности, чтобы поймать ближайшую точку доступа. Потом скучать не приходилось.

– Ага, так подсел там, что до сих пор постоянно торчит перед монитором, – пробурчал Бони.

- А ты чего спрашивал-то? – Барфи поглядел на него в зеркало заднего вида.

- Да так, просто на ум пришло – Джон тоже откинулся на спинку кресла.

Марид кивнул, но ничего не сказал. На сей раз молчание продлилось до штаба Управления.

Машина остановилась у огромного здания, выкрашенного в цвет недозрелого апельсина. Восемь этажей и больше двадцати окон в длину. Фасад отделан в классическом стиле восемнадцатого века, первые два этажа выложены каменной плиткой. И на самом верху, прямо над центральным входом, – огромные часы с циферблатом, которые бьют каждые три, шесть, девять и двенадцать часов. Должны бить. Определенно должны, не то образ монументального дома Управления был бы не полным. Эдвард машинально покрутил печатку на левом мизинце.

Барфи сразу уехал, а Бони поманил детективов за собой, внутрь здания. И только двери открылись, как на Эда нахлынула новая волна, но не как в аэропорту. Теперь это были запахи агентов управления. И черт возьми, сколько же было затхлои вони! Они прошли мимо поста охраны, за которым сидели медведи – огромные, мордастые мужики смотрели не с ненавистью, но с неприятной тревогой. Пересекли просторную залу, набитую толпой туристов-чупакабр. Ехали в лифте вместе с ведьмой – старушка укуталась в шаль и держала подмышкой стопку папок.

– У лягушки глаза, что лупы. Станешь ей, если не перестанешь глазеть, – буркнула она Эду, и тот поспешил отвести взгляд под смешки Бони и Джона.

Но хуже всего пришлось на восьмом этаже – этаже Канцелярии. Там за ровными рядами перегородок, в небольших кабинетах сидели целые выводки молодых вампиров. Эдвард, натасканный в основном на поимку мертвых кровососов, сразу съезжился, насторожился, ухватился за рукоять пистолета. Но пока они шли меж кабинетов, вампиры не обращали на них никакого внимания, занятые рабочим процессом. Изредка какая-нибудь обманчиво-хорошенькая девушка поднимала на Эда глаза, смотрела пару мгновений и вновь углублялась в свое дело. И это были не просто вампиры, не какие-то доходяги, коих выслеживал Эд. Они все сидели откормленные, спокойные, удовлетворенные. Картина целого этажа работающих клерков-вампиров до того взволновала Эдварда, что он перестал следовать за Джоном, и пошел по боковому коридорчику, заглядывая в разные кабинеты. Его стали замечать, учуяв волнение, наблюдать с интересом. Эдвард уходил все глубже в дебри канцелярского зала, все крепче сжимая рукоять пистолета. Это же какой-то бред. Целая орава кровососов сидит в офисах и перебирает бумажки – абсурд, гротеск. Какая-то калька на реальную работу, нелепая пародия. А если они учуют свежую кровь, что же, так и останутся сидеть? Да они же сорвутся, всех перебьют! Всех сожрут!..

В голове у Эда раздался голос: «Усмири зверя, молодой волк, нам нужен твой трезвый ум». Эд обернулся и увидел Барфи. В полутемном зале его белый костюм будто сиял.

– Помни, зачем ты здесь, – сказал он и, по-дружески положил Эду руку на плечо, повел назад.

Даже не тяжелый взгляд Джона, лукавый Бони и понимающий Барфи заставили чувствовать себя пристыжено и глупо, сколько сам факт каких-то двойных стандартов. Одно Управление, но два разных мира через реку Днепр. Нет, не такого он ожидал от России...

– Ну, дальше вы как-нибудь сами, – сказал Бони у дверей Высшей Канцелярии. – Мы вас после найдем.

Эд только моргнул, а маридов как не было, исчезли. Джон покосился на своего протеже, подмигнул, и открыл двери. Старина Джон знал это место, бывал здесь не раз, как и в самой Москве. В Управлении поговаривали, что старый волк объездил весь мир, и везде у него есть знакомые.

Они вышли в широкий коридор. Лампы были притушены и создавали приятный полумрак, стены отделаны деревом, пол устлан красным ковром. На редких дверях красовались золотистые таблички с номерами, на стенах висели картины. Тихо и прохладно. Было видно,

что по этому коридору ходят не часто. Эдварда почти отпустило после зала с вампирами, и теперь он разглядывал каждую картину Высшей Канцелярии. Совсем незнакомые ему персонажи Мифов. С мечами, в доспехах, кто-то бородат, а кто-то смугл и ускоглаз. У кого-то под ногами знамена, тела поверженных врагов, а кто-то со скипетрами в руках в тронных залах. Иногда картины показывали совсем не людей, а животных: волк в сбруе или медведь на пеньке. Коридор разделился надвое, а на развилке красовался огромный барельеф дракона о трех головах.

Перед этой развилкой Джон встал и как будто принялся.

– Ох, парень, зажми уши... – процедил он, отступая на шаг.

Эд хотел переспросить, как ближайшая дверь правого коридора распахнулась настежь.

– ...а вот мы увидим! – донесся оттуда крик, такой сиплый и скрипучий крик, будто трухлявое дерево на ветру погнулось.

Из двери вскочил громаднейших размеров кот, примерно на голову ниже Эда. Полноватый, он был одет в серый костюм, бежевую сорочку, не подтянутую галстуком, и черные лакированные туфли. Глаза кота скрывались за круглыми темными очками.

– Увидим! – рявкнул котяра.

И тут Эда словно обухом по голове ударили. Голос кота эхом пронесся у него в сознании, оставляя за собой чувство онемения, мягкого, но сильного. У Эдварда подкосились ноги. Котяра быстрым шагом пошел в левый коридор, бормоча под нос:

– Чтобы меня, такими словами, да с отказом... Ну, коряга, заплатишься...

Когда кот пронесся мимо, Эда уже не просто косило, а почти сморило в сон. Он уперся в стену руками, всеми силами пытаясь устоять на ногах, но ничего не выходило. Со стороны это выглядело, как попытки безмозгло-пьяного человека найти точку опоры на предательски крутящейся земле. Это длилось всего несколько секунд, потом сон стал отступать. Эдвард наконец пришел в себя и посмотрел на Джона. Наставник выглядел ничуть не лучше.

– Надо валить на хрен из этой Канцелярии... – пробормотал Эд. – Что за чертовщина?

– Твой первый живой миф, – Джон тряхнул головой несколько раз. Было видно, что ему такое тоже не по душе. – Это был Кот Баюн.

Учитель встал прямо, расправил плечи. Он смотрел в след Коту, растворившемуся в приятной полутьме левого коридора.

– Нам туда, – сказал он через плечо.

Прозвучало это, как приговор. По крайней мере, Эд так понял тон наставника.

– А кто он, этот Кот Баюн?

– Один из старейших мифов славян. Он настоящая легенда, так что нам повезло. Когда-то давно Кот сидел на стальном столбу и выслеживал путников на дороге. Усыплял их своим голосом – «баял сказки». Путники засыпали, и он их ел.

– Кот-людоед...

Джон достал сигарету.

– Не забывай, наш род тоже любил человечину.

Впереди маячили две фигуры. Кота Эд узнал сразу: он стоял уперев левую лапу в бок, а правой потряхивал у себя над головой, будто указывая куда-то, при этом его аккуратненькое брюшко вздрагивало при каждом движении. Второй, которому Кот что-то говорил, был очень высок, потому Коту приходилось задираТЬ голову. Он выглядел словно статуя, нависал над своим собеседником, одетый в плотный костюм какого-то жуткого песочного цвета, и молча кивал. Даже встав чуть поодаль от них, Эд учуял запах, исходивший от гиганта, отдаленно напоминавший хвою.

– Я просто хочу сказать, ч'то все это несправедливо, – ворчал кот, потрясая лапой. – Какую-то бездарность посылают в Европу, а мне нельзя. Я – народный артист Советского Союза, народный артист Российской Федерации, у меня больше восьмидесяти наград, и часть

из них еще при царе получены. Я один практически ташу весь Большой, а меня таки не пускают в Европу?!

Кот упер правую лапу в грудь собеседника.

– Александр Константинович... – вздохнул собеседник. Грузно вздохнул, сурово.

– Алешенька, я таки все понимаю. Дела Управления, секретность и так далее. Но и ты меня пойми. Я ведь не в простой отпуск собрался. Наш театр уже лет сто толком никуда не выезжал, ч'естное слово, мы будто крабы в банке скоро передеремся. Когда культура застаивается, она начинает пожирать саму себя.

– Александр Константинович, беспокойное время сейчас. В целях безопасности...

– Ну не надо, не надо, Алешенька, – снова перебил его Александр Константинович. – Мне при Царе-Батюшке говорили, при советской власти говорили, при российской власти говорите, ну сколько можно, Алешенька? Ты говоришь ситуация беспокойная, опасно, а вот Кольку Бардова пустили!

– Николай Викторович отправился на задание...

– Так вот и меня отправь! – рявкнул Кот, и у Эда поплыло в глазах. Однако Александр Константинович тут же отступил на шаг, откашлялся. – Извини, перенервничал с этим деревом в отделе кадров. Так Алеша, я тебя как друга моего старого прошу, уж раздобудь мне разрешение на выезд, будь лаской. Или задание какое раздобудь, ч'тобы я его попутно решил, я ведь не кто-нибудь.

Кот закивал, похлопал старого друга по плечу. Так они недолго постояли, пока собеседник Александра Константиновича опять не вздохнул.

– Я постараюсь что-нибудь сделать.

– Вот и хорошо, вот и хорошо, мой дорогой.

Кот еще раз похлопал Алешеньку по плечу, на этот раз дружелюбно, и направился в сторону Джона и Эда. При этом Кот развел лапами в приветственном жесте. Джон оправил пиджак и встал прямо, вытянув руки по швам. Оба улыбались.

– Боженька благородный, кого я вижу, – замурлыкал Кот. Он обнял Джона, потом посмотрел ему в лицо. Наставник же только глуповато улыбался. – Ваня, какая приятная неожиданность, ч'естное слово!

– Александр Константинович... – ответил тот.

– Ваня, – Кот хохотнул и снова обнял наставника. На этот раз и Джон его обнял. – Блудный волчок. Как же давно я тебя не видел.

– Шестьдесят лет, не так долго для нас.

– Долго-долго, Ванька! Живем тыщу лет, а и года жалко! По делам к нам, или погостить приехал?

– По поводу дикого вампира.

– А, ну да, ну да, страшное дело, ой страшное дело, – закивал кот.

– Да-а-а. И вот еще, на стажировку привез, – Джон повернулся к Эду.

Кот протянул лапу Эду.

– Александр Константинович Баюнов.

– Эдуард Тарасов, – Эд пожал лапу.

– А по-настоящему как? – Кот пожал руку крепко, и не сразу ее отпустил. – А, ладно, это я так. А вот скажи мне, дорогой, не вас ли я встретил у Горыныча?

– Нас, полагаю.

– Ну, тогда прошу прощения, не сдержался. Уж очень раздражает меня эта коряга. Он потомственный дуб. Такой же тупой, да-да.

Эд покосился на Джона, пытаясь спросить глазами: «о ком он?».

– Леший, – шепнул тот.

– Да, да, из леших он, коряга, – закивал Кот. – Да ну его... к Василию Николаевичу, – шмыгнул носом, – Водяному. Обсуждать еще... Я вот тебя увидел, молодой человек, и сразу захотелось спросить, – Кот посмотрел на Эда поверх очков желтыми глазами. – А вот скажи-ка, правда, у вас на Западе мифы в резервации загнали?

Эд глянул на Джона, прежде чем ответить.

– Да, загнали.

– Ай-я-я-яй, – протянул Александр Константинович. Улыбка сошла с его уст, и он как-то печально причмокнул, а потом повторил, – Ай-я-яй. Как нехорошо-то, нехорошо-то. Мифы, и в резервации. А вот еще скажи, дорогой, давно ли?

– Примерно двести лет.

– Ох, нехорошо. А я-то надеялся встретить пару знакомых кошечек, а у вас...

– Ситуация такая сложилась, Александр Константинович, – сказал Джон, видимо пытаясь отвлечь кота от стажера. – Нельзя было без резерваций.

– Ситуация. – Кот посмотрел мимо Джона, на очередной гобелен. – Что ж, обидно. Ну, не буду вас задерживать. Алешенька вон вас ждет. Но, Ваня, зайди сегодня вечером ко мне, поужинать-поговорить. Марфа в обморок упадет, – Кот подмигнул и улыбнулся, но уже не той открытой улыбкой. – Очень рад тебя видеть, блудный волчок. И будьте осторожны, этот вампир – сильная нежить.

Кот двинулся по коридору, откуда пришли детективы. Он заложил лапы за спину, и что-то ворчал себе под нос, но тихо, спокойно. «Какой приятный миф, – подумал Эд. – Жаль, что у нас таких не осталось». Джон тоже смотрел в след Коту, однако выражение лица его осталось неизменно усталым. Он выглядел так последние несколько лет – усталым и словно запойным. Хотя, он и был...

Тряхнув головой, наставник пошел к прошлому собеседнику кота – Алешеньке. Тот стоял в дверях кабинета, засунув руки в карманы, и ухмылялся.

– Ну, здравствуй, Леша, – протянул ему руку Джон.

– Здравствуй, Ваня, – пожал ее старый товарищ.

Так они постояли, не отпуская руки, все больше и больше кривя лицами.

– Эх, – крикнул Джон, а Леша расхохотался и отпустил руку.

– Почти, почти! – прокрихтел Джон разминая отдавленную кисть. – Знакомься, Эдик, мой старый друг, боевой товарищ и твой второй живой миф Алексей Федорович Попов.

– Очень приятно, Эдуард Тарасов, – Эд улыбнулся и пожал протянутую руку.

– Да, парень, удивил ты меня, – Алексей широко улыбнулся. – Никто тебя не ждал.

– Я уже понял.

– Говоришь почти без акцента, – Алексей Федорович одобрительно кивнул. – Очень хорошо ставишь ударения.

– Спасибо.

– Я учил, – ухмыльнулся Джон.

– Ой врешь... – протянул Алексей.

Все это время он не отпуская руки Эда. Попов оказался не просто крепким или сильным, а словно бульдозер – сокрушительным. Он стиснул кисть Эда до легкого хруста в костяшках, и скорее всего не замечал попытокжать руку в ответ. Эд неожиданно вспомнил лицо Алексея – он видел его на одной из старых картин, что висела в коридоре. На ней был изображен огромный воин в красном кафтане, забавной мешковатой шапке с полями и красных сапогах. В одной руке он держал саблю, а другой – гнедого коня под уздцы, а за спиной у воина висел лук и колчан. Это и был Алексей. Сейчас в нем изменилась только одежда, но лицо осталось как на картине: оно будто все состояло из прямых линий и четко вырисованных теней. Категоричное лицо человека, не терпящего возражений и отказов, привыкшего к результатам. При этом пахло от него просто ужасным дешевым одеколоном с уклоном в хвойный аромат.

Алексей жестом пригласил детективов в большой, под стать хозяину, и красивый кабинет. Обои будто светились приятным зеленым цветом, пол устелен толстым ковром с угловатым восточным орнаментом, а у единственного окна висели занавески с золотистой бахромой. Резная старинная мебель вольготно раскинулась вдоль стен: исполненный из кожи диванчик; черно-бурые буфет и книжные шкафы; журнальные полки и кофейный столик; картотеки. Перед окном выдавался широкий стол с двумя бархатными креслами перед ним. Под потолком мириадами многогранных капель переливалась люстра, окрасившая кабинет радугой.

Попов достал из буфета несколько рюмок с ножками и бутылку коньяка.

– Как же я был рад, когда узнал, что ты едешь, Вань, – сказал Алексей, расставляя рюмки в ровный ряд.

Наставник подождал пока все три рюмки наполнятся, потом без разговоров взял крайнюю, слегка ударив ножкой о соседнюю, и опрокинул.

– Сам попросился. И... – Джон налил в рюмку новую порцию коньяка, – чем от тебя воняет? Аж нос режет.

– Алёна новый одеколон подарила, вот душусь.

Он уселся за стол, и большое кожаное кресло натужно заскрипело под ним.

– Воздух отравляешь, честное слово.

– Ну не могу же я его выкинуть.

– Угу, – Джон махом опорожнил рюмку и наполнил вновь. – А что за проблема с Александром Константиновичем?

– Так ты же слышал. Хочет ехать «взаграницу», а его не пускают.

– Почему? Кого-то ведь выпустили, – спросил Эд. Наставник на него покосился, но промолчал.

– Парень, ты представляешь, что случится в Европе, если туда приедет кот? Бардов, которого мы выпустили – колдун, а Александр Константинович – миф. Настоящий, живой. Вы там хоть помните, как пахнут мифы?

– И зачем же вы ему разрешение доставать собираетесь?

Джон крикнул и, не стесняясь, взял бутылку, сделав вид, что изучает, но украдкой подлил себе в рюмку.

– А кто сказал, что я его в Европу пуцую? Поедет в Китай, там тоже культура.

– Старик взбесится, – оскалился Джон.

– Сначала взбесится, – Алексей подался вперед и забрал бутылку. – А потом поймет.

Попов встал и поставил наполовину пустую бутылку в буфет. Джон вздохнул, косясь на буфет, и взял рюмку Эда.

– А где все начальство? – Спросил он.

– Главное начальство уехало в Сиверский, за советом к мудрецу. Второе начальство – домой, в Муром. Первый заместитель на Украине, вопросы с тамошней нечестью решает. Сижу тут один, присматриваю за всем Управлением.

– Ах да, Украина. А я думаю, чего столько чудовищ в аэропорту, – пробормотал Джон.

– Беженцы прибывают, добровольцы на Донбасс улетают, а кто в Крым к родне пока по дешевке – создают работу миграционному отделу.

Наставник нахмурился.

– Справляетесь?

– Конечно. Трудно было первые месяцы, а сейчас все же проще.

– Ну а как вообще-то, Леш?

– Если не считать последних событий, то в целом как всегда. Немного суматохи, но спокойно.

– А как там Алёнка?

– Хорошо Алёнка...

Алексей рассказал какую-то малопонятную историю, и они с Джоном задорно над ней посмеялись. К дальнейшему разговору Эд потерял всякий интерес, ведь начался обязательный ритуал Джона, который он начинал при всяких встречах со старыми знакомыми – воспоминания. Обычные человеческие воспоминания, истории о чем-то, расспросы об общих друзьях, новости за время, что друзья не виделись.

Эд откинулся на спинку кресла и начал разглядывать кабинет. На стене, справа от стола Алексея, висел портрет – молодая девушка в просторном узорчатом платье босиком. По настоянию Джона, Эд прочитал несколько книг о славянской культуре перед отъездом, и припомнил, что это платье называется «сарафан». Волосы собраны в косу и перетянуты лентой, а на плече она держала коромысло с ведрами. «Наверное, Алёна» – подумал Эд, переводя взгляд на шкафы. В них красовались корешки старинных книг и почти на каждой выведены золотистые буквы на непонятном языке похожем на русский, но Эд не смог прочитать. На одной из полок поблескивал обломок, кажется, коры, в который будто впаяли четыре большие черные чешуйки. Видимо это останки от какого-то змея-мифа, решил Эд.

– Эдуард, – раздался голос наставника.

– А? – Эд повернулся.

– Б, – оскалился Джон.

Эд опешил. И что это значит?

– Я спросил тебя, Эдуард, – улыбаясь, сказал Попов.

– Отвлекся, прошу прощения.

– Скажи, как тебе наши условия? Как ароматы?

– Очень... – Эд задумался, – Кружащие.

– И все?

– Вам честно или кратко? – Алексей сделал жест, чтобы Эд говорил открыто. – У вас целый этаж откормленных кровососов. Я знаю запах дохлого отребья, я натаскан на них. Но здесь даже они пахнут по-другому. Вот честный ответ – я словно из океана дерьма попал в океан с виски. И не знаю, что хуже, захлебнуться от первого, или упиться вторым.

– Океан водки.

– Или водки, – Эд пожал плечами, – смысл вы поняли.

– Как у нас говорят, «из огня да в полымя».

– Ничего, Эдик у нас хороший волк, – Джон взъерошил волосы стажеру.

Да, черт возьми, Эдвард был отличным волком. Почти таким же сильным и ловким, как волки от Первой Крови. Он давил любую дикую мразь, какая вставала на пути. Давил уверенно, наверняка, чтобы всякая сволочь, пойманная им, дважды подумала, а стоит ли вылезать обратно в открытый мир.

– Хв...

– Заткнись, Эдвард, – перебил его наставник, не меняя тона. – Ладно, Леша, нас вызвали, потому что у вас проблемы с каким-то диким вампиром. Рассказывай.

– Тут такое дело... В общем, сами прочитайте.

Алексей достал из стола две папки с заключениями экспертов. Одну взял Джон, другую Эд. Глянув через плечо наставника, он увидел фотографию молодой девушки, нахмурился, открыл свою. На первой странице заключения была вложена небольшая фотография жертвы, а под ней описание. Молодой мужчина двадцати семи лет, не женат, работал продавцом-консультантом в Москве, жил в пригороде – Зеленограде, где и нашли труп.

– Особые случаи, надо сказать, – пробурчал Алексей, но так, негромко, чтобы не отвлекать детективов.

При жертве нашли бумажник, в нем: водительские права, полторы тысячи рублей, банковскую карту, фотографию возможной пассии и два презерватива, еще довольно дорогой смартфон, перстень, цепочка, часы...

– Оп-па, – протянул Джон.

Эд поспешил перевернуть страницу. Разодранное в клочья тело молодого человека фотографировали в трех разных местах, причем на приличном расстоянии друг от друга. Кто-то оторвал ему руку и перегрыз позвоночник, и все это раскидал по окрестностям, оставляя смачный след из внутренностей и крови.

– Нам надо осмотреть тела, – сказал Эд, не отрываясь от фотографий.

– И как можно скорее, – подхватил наставник.

Алексей задержал взгляд на детективах, хотел будто что-то сказать, но только молча встал и рукой показал следовать. Второй заместитель шел размашисто, неторопливо, при каждом его могучем шаге паркетный пол поскрипывал. Казалось, он был беззаботен и даже не подозревал о беде, свалившейся на них. Эду же с каждым шагом становилось все тревожней, и он молился про себя: «пусть это будет вампир, пусть будет вампир». Джон же шел набычившись и будто бы весь наполнился напряжением. Они вернулись к барельефу с трехголовым драконом, к которому подошел Алексей и провел по незаметной панели карточкой-пропуском. Барельеф раздвинулся и обнаружил за собой лифт.

Подвал Управления, в который они спустились, был переоборудован под сеть лабораторий, некоторые из которых напоминал морг. Просторные залы были отделены друг от друга мутными стеклянными стенами, за которыми угадывались очертания каталок, холодильных шкафов для препаратов, столами повсюду, компьютерами, центрифугами и прочим лабораторным скарбом. Холодно, сыrovато, пахло формальдегидом и спиртом. Из глубины залов доносился скрежет, а еще дальше звучали стоны. Кругом суетились невысокие бородатые мужички в белоснежных одеждах: кто-то из них таскал между лабораториями тяжелые ящики, некоторые носились с кипами бумаг, а кто-то безвылазно торчал за мутноватыми стеклами лабораторий, не отрываясь проводя опыты.

– Это, что, гномы? – шепнул Эд наставнику.

– Карлы, – проскрежетал тот в ответ.

Алексей провел их в небольшой зал, холодный воздух которого пронизывал полумрак. Кругом стояли морозильные камеры и каталки с телами. Из-за открытой двери начала поскрипывать какая-то дверца – видимо, гулял сквозняк. Алексей пропустил детективов и закрыл за собой дверь, но сквозняк не перестал.

– Володя, ты тут? – Осторожно спросил Попов в полумрак.

Ответом был лишь скрип дверцы. Тонкий и противный. Алексей пошел вглубь морга, за ним и Джон с Эдом. Чем дальше они шли, тем громче скрипела дверца. Второй заместитель встал, огляделся. Только мерзкий скрип.

– Ага, – заместитель подошел к одной из кушеток с трупом и откинул простыню.

Эд не сильно, но удивился, когда под простыней оказался не голый труп, а розовощекий мужчина в сером спортивном костюме, белом халате и с голыми, выступающими из-под простыни ступнями. Среднего роста, лысоватый и с большими мешками под глазами. На большом пальце правой ноги болталась бирка. Мужчина лежал на спине, сложив руки на груди, тихо похрапывал, и Эд сразу узнал мерзкий скрип.

– Спит, – скривился Алексей и пнул каталку. – Подъем, сукин сын!

Володя подавился храпом и открыл глаза. Сначала он недобро покосился на заместителя.

– Чё надо? – Спросил заспанным, но внушительным голосом.

– Работать, обормот! Вставай! Где трупы последних жертв?!

Обормот сел, почесал себе пятку, снял бирку и только тогда посмотрел на детективов.

– А ты мне не снишься? – спросил он у Джона.

– Нет.

– Лучше бы снился... – вздохнул Володя. – А ты кто?

– Эдуард Тарасов, детектив, – отозвался Эд.

Володя осмотрел его с ног до головы, достал сигареты и закурил от... хвоста, что вылез из-под халата. Тонкий рыжеватый, с небольшой стрелой на конце. Стрелка прикоснулась к сигарете и та загорелась.

– Владимир Святославич, патологоанатом. – Владимир Святославич-патологоанатом свесил с кушетки ноги, пожевал сигарету, почесал хвостом нос. – А не молод...

– Ты покажешь их, или нет?! – рявкнул Джон.

– Сколько нервов-то! Нервов! Не надо злиться, они прямо вот тут.

Патологоанатом слез с каталки, зашлепал босыми ногами по кафелю, оставляя дымящиеся мокрые следы от стоп. Длинный хвост чуть приподнимал край халата, вился до самой головы Владимира, и Эд начал догадываться, кто этот патологоанатом, но догадка ему совсем не нравилась. Тем временем Володя похлопал в ладоши, включая свет у дальней стены, и встал меж двух огромных столов с бортиками по краям и стянул с них защитную пленку.

– Вот, все что осталось.

Джон и Эд наклонились над телами... частями тел парня и совсем молодой девушки, принялись. Вместе с запахом разлагающейся мертвечины и «ароматом» Алексея, Эд уловил и запах Джона – мокрая шерсть. Так пахнут все волки, когда нервничают.

– С анализом проблемка вышла, – промямлил Володя. – Я так и не смог понять, кто их так покромсал. Облазил все учебники в библиотеке, просмотрел все архивы по вампирам, но ничего подобного. Даже *Sanguinem fervere* во время буйства такого не сделают. Сил не хватит. Честно, я сто лет в практике, но ничего подобного не видел. Их рвали клыки какого-то саблезуба. И когти у этого зверя тупые, но крепкие – разрывали плоть, видно здесь и здесь, – он показал хвостом. – Ни один вампирский род такого не может...

– Это волк, – вздохнул Эд и выпрямился.

Володя замолчал, а к «аромату» Алексея примешался запах легкого раздражения. Эд услышал, как бьется сердце у второго заместителя.

– Бред... – пробормотал он.

– Тебе наши клыки показать? – Зарычал Джон, нависая над телом девушки. – Это волк, нет сомнений. У вас тут оборотень завелся.

– Волков в Западной России нет, – отрезал Алексей. – За Уралом – может быть, в Сибири – может быть. Есть на Востоке. На Западе – нет. Тем более в Москве.

– Не хочу вас расстраивать, но Алексей Федорович прав. Волков в западной части России никогда не было, и быть не может. Раньше это была территория медведей, – пробормотал Володя, почесывая подбородок.

– Значит, теперь завелся волк, и плевал он на территорию медведей, – голос Джона стал напоминать рык. У него хрустнула челюсть, морда чуть вытянулась, а рот наполнился здоровенными клыками. На мгновение Эду показалось, что на правой руке вспыхнуло что-то алое.

– Но-но-но, – Алексей Федорович подался назад. Отшатнулся и Володя.

– Джон, успокойся, они поняли, только пока не приняли, – зашептал Эд наставнику на ухо. – Успокойся. Мы здесь все друзья, зачем натягивать отношения. Закури и успокойся.

Челюсть Джона снова щелкнула, морда стала лицом. Он кинул взгляд на стажера, но промолчал, достал сигарету и отвернулся. Алексей положил ему руку на плечо, отвел в сторону и о чем-то скоро зашептал.

– Я сильно извиняюсь, – подал голос патологоанатом Володя, – но если это волка... то эээ... не могли бы вы мне показать свои клыки.

– Это необходимо?

– Хотя бы сфотографировать, сравнить примерный характер клыков, может когтей...

– Мы все разные. Кто-то больше, кто-то меньше – зависит от породы. Тот, кто рвал этих людей, огромен, – оборвал его Эд, рассматривая раны на теле девушки. – Но если мои клыки вас убедят, то, пожалуйста.

Он отошел от столов, оглянулся на наставника – тот что-то доказывал Алексею, а второй заместитель кивал в ответ. Значит не видит. Эд вздохнул, глубоко, тяжело. Выдохнул... Челюсть пронзила резкая боль, такая сильная, что потемнело в глазах. Кость с хрустом сломалась и поползла вперед, разрывая рот на куски. Зубы начали дробиться, перестраиваться в волчьи клыки и резцы. Эд почувствовал, как ломаются пальцы на руках и ногах, как лопаются ногти и из под них вылезают когтищи, длинные, словно тупые ножи. А вот и он... Полез, скотина, наружу. Почуял, что его вызывают – волчий кошмар, сын Луны, ночная байка. Сознание Эда заполнили мысли о мясе и крови, о костях, о животине, о людях. Но Эдвард схватил кошмар за хвост и потащил назад в клетку. «Не сегодня, гаденыш, не сегодня. И, надеюсь, никогда...» – зашептал он сыну Луны, а тот жалобно заскулил под напором хозяина. Трансформация тела остановилась. Эд выпрямился, заклацал зубами, разминая челюсть. Для Володи все произошло за пару секунд, но для Эда – пролетел год, не меньше. Чем чаще волк трансформируется, тем старше он становится. На чуть-чуть, но старше.

– Ма-а-а... – протянул патологоанатом.

Эд выставил когтистые руки вперед.

– Шар-р-ртры уре, ыртрей, – попытался прорычать что-то членораздельное.

Володя достал смартфон и начал фотографировать полу-морду и когти Эда.

– Подумать только, это и правда волчьи когти и клыки, – пробормотал он, когда сравнил фотографии с ранами на останках. Разглядывать самого Эдварда он, видимо, не решился.

Эд еще пощелкал зубами, поскреб когтями стол, оставляя внушительные борозды на металле, и начал обратную трансформацию. Если трансформация в волка – это болевой ужас, то откат к человеку – наслаждение. Кости хоть и ломаются, но быстро срастаются, кожа затягивается, с клыков спадает ненужная шелуха. Эд размял пальцы и челюсть, огляделся: Володя все еще осматривал раны на останках, Джон и Алексей что-то обсуждали, будто не обратив внимания на обращение Эда. Время еще оставалось, и стажер взял заключения экспертизы.

Жаль было смотреть на девушку, ведь на прикрепленной фотографии она было действительно красива: сидела в синей кофточке, черной юбочке и чешках, маленький хвостик волос перекинула через плечо, а миловидное личико так и светило задором, предвкушением. Она улыбалась своему будущему. А теперь она же лежала разгрызенная на столе перед Володей, с ободраным лицом, вспоротой грудной клеткой, переломанными костями. От искрящегося девичьей радостью глаз остался только один – правый, остекленевший. Она умерла две недели назад, во время полнолуния. Парень умер за месяц, и тоже во время полнолуния. Как и положено дикому волку, его кошмар просыпался только во время чистой Луны. Все волки чувствуют ее, но лишь дикие не могут совладать с кошмаром, который подавляет сознание и навивает внутреннему зверю сладкие сны об охоте.

Володя кашлянул, и Эд поднял на него глаза.

– Я еще раз извиняюсь, но какой-то он слишком напряженный, – патологоанатом кивнул на Джона. – С ним все в порядке?

– Он не любит ловить волков. Их почти всегда приходится убивать.

– Хм, – Володя повел бровью и уставился на тела. – Раньше он таким не был.

– Ты его знал?

– Видел пару раз, лет... семьдесят назад. В Сталинграде кажется...

– Пошли, Эдик, – позвал Джон. – Сегодня ночью будем охотиться.

– Только без смертей, не порть статистику, – пробормотал Алексей.

– Попробуем.

Перед тем, как выйти, Эд обернулся. Алексей Федорович засунул руки в карманы, смотря в след детективам. К нему подошел Володя и протянул папки с делами жертв. «Как он спокойно все это воспринял, – размышлял Эд, идя к лифту. – Да, он старый миф, должно быть многое повидал, но если это первое убийство за долгое время, то ему стоило подсушиться.»

– О чем задумался? – Спросил Бони, возникнув прямо перед волками, и Эд отпрянул от неожиданности.

– О том, что больно много вампиров наверху, – недовольно проскрежетал в ответ он.

– Хочется поточить зубки о мертвые косточки, а? – Ухмыльнулся марид.

Парень не ответил.

Они вышли на первом этаже и марид повел их в отель Управления. Такие отели имелись почти у каждого штаба по всему миру: стандартные отели в 4 или 3 звезды, выстроенные специально для гостей. Московский, правда, оказался пятизвездочный – Эду достался огромный номер. Зал, отделенный от спальни отъезжающей стенкой, ванная комната и туалет со входом из спальни, кухня в стиле мини-бара, сплошной балкон на спальню и зал. И все это в приятных степных тонах и зеленоватым потолком, с глубокими мягкими креслами, диванами, столиками, с большим телевизором, панорамными окнами. Номер, в котором можно расслабиться и подумать.

– Наслаждайся, – улыбнулся Бони перед тем, как закрыть дверь.

Эд остался один. Теперь это его официальный номер, ключи лежали на столике у входа. Он заказал себе полный обед, после принял душ и лег спать. А на улице только начинался четвертый час, пекло солнце, вылезшее из-за туч, и шумел незнакомый город. Этой ночью наставник и ученик начнут долгую охоту на всех окружающих вампиров, которые, как понял Эд, не особо скрываются, что только добавляло проблем. Эти твари имели в России особый статус, из-за которого на них просто так не наедешь, не прижмешь к полу, не прострелишь ногу или руку бронебойной пулей. Эд был боевиком, ищейкой-загонщиком, штурмовиком в авангарде, уже десять лет, как принявший на себя эти роли. И он совсем не был дознавателем. Вопросы – не его стихия, а спрашивать придется много.

«Огромная тень пала на левую сторону площади. Она шпилем врезалась в брусчатку, наполнила ее жидкой, словно вода, тьмой. За тенью площадь продолжалась, но перейти ее было невозможно. Он шел среди толп людей, совсем одинаковых, безликих и серых, а впереди маячил силуэт. Нет, даже не силуэт, а знакомая фигура мужчины. Он шел перед Эдом, ведомый окликаками экскурсовода, знакомо подволакивал ногу и смешно размахивал руками. Эд следовал за ним, сквозь постоянно текущий поток людей, с которыми сталкивался, задевал плечами, но ускориться не мог. Он посмотрел на Московский Кремль.

Да, он помнил тот день. Его первый визит в Москву и первый раз на Красной Площади, экскурсия для иностранцев. Родители хотели, чтобы молодой Эд пошел с ними, и он пошел, вредно скуля и навязываясь девушкам из своей группы. Отец так же топал впереди, подволакивая ногу, махал руками, слегка отстав от матери. Вот только в этот раз стояла глубокая ночь, полная огромная Луна вылезла вместо Солнца освещать площадь, и матери не было видно.

«Отец», – позвал Эд, но фигура не обернулась.

«Отец!»

Никакой реакции.

«Отец, отец!» – начал кричать Эд и рваться к нему.

Люди вдруг загородили путь, намеренно бросаясь под ноги. Он отталкивал их, словно серые куклы, бил, когда не поддавались, но все равно вяз в сплошном сером месиве. И когда Эд совсем остановился, застыла и фигура, но не обернулась.

«Отец, это я! Обернись, это я!»

Но фигура продолжала стоять спиной. А Эд все рвался к ней, безуспешно пытался растолкать людей-кукол.

«Отец, обернись, пожалуйста! Отец! Я не хотел, я испугался! Прости меня, отец, я не хотел убегать! Отец!»

Тут одна из плотных рядов кукол позади фигуры показался волк. Шкура его – черна как уголь, клыки огромны, узловатые пальцы на лапах закачивались когтями-ножами. Волк обернулся к Эду и сверкнул глазами.

«Отец, он сзади!» – завопил Эд, однако фигура не двигалась.

Огромный волк заковылял к фигуре, клацая зубами, и чем сильнее Эд пытался вырваться из толпы, тем гуще она становилась.

«Я сейчас, отец, я сейчас!» – он стал трансформироваться, почти не замечая боли.

Еще один волк появился за спиной фигуры, такой же, как первый. И еще один, и еще. Вскоре вся толпа начала превращаться в волков, одинаковых, огромных. Вот сам Эд стоял в окружении зверей, рычащих на него, скалящих зубы. И лишь фигура отца осталась прежней.

«Отец!» – в последний раз крикнул Эд, понимая, что все кончено, как и в тот раз.

Ковыляющий к фигуре волк остановился. Застыли и остальные.

Фигура повернулась. Вместо отца стоял Джон, в мятом и грязном сером костюме, с его вечно засунутой правой рукой в карман. Джон смотрел прямо на Эда, сверкая волчьими глазами.

– Ты услышишь ее, и я прошу пойти за ней, – сказал наставник спокойным и вкрадчивым голосом. Этого голоса Эд не слышал больше двадцати лет. Джон улыбнулся, кивнул на Луну.

Эд посмотрел, и сердце его сжалось – Луну, его толстою и прекрасную Луну закрыло черное пятно, чернее ночного неба. Из-под пятна выбивалась Она, короновала это пятно, делала его похожим на глаз.

«Джон, что это значит?» – спросил Эд

– Она придет, и снова все станет ясным.

«Я не понимаю, что с Луной?»

Джон отвернулся и пошел дальше, подволакивая ногу.

«Джон!» – позвал Эд. – «Джон, что это все значит?!»

Куклы вокруг снова стали людьми. Толпа двинулась в рассыпную, а первый волк исчез.

«Джон! Что все это значит!?» – кричал Эд, идя за наставником. – «Джон, черт возьми, объясни! Джон! Стой!» – толпа нахлынула, загоразивая удаляющуюся фигуру.

«Джой, стой! Джон! Отец!..»

Эд вздрогнул и открыл глаза. Его клыки и когти выступили наружу, а он даже не заметил. Кошмар... сон... но до чего реальный – даже запахи как настоящие. И он помнил его весь до конца, чего почти никогда не бывает со снами. Луна, Джон, отец, тот волк, с черной шкурой, он помнил его. Навсегда запомнил того волка. Эд втянул когти и клыки, и даже не сразу понял, что телефон ходуном ходит от вибрации.

– Да? – просипел он в трубку.

– У тебя все нормально? – Это был голос Джона. Обычный голос Джона.

– Нормально.

Пауза.

– Ладно. Через два часа выходим, будь готов.

– Хорошо.

Он посмотрел на время – одиннадцать вечера – и отложил телефон на тумбочку. Огляделся. Деревянная кровать и матрас изодраны, от одеяла и простыни остались одни лоскуты. Эд посидел, тупо уставившись на измочаленную подушку, и не одевшись, прямо в трусах вышел на балкон, в ночную прохладу, оперся на поручни. Первая ночь в Москве выдалась освежающей. Огромный город горел жизнь, по улицам, словно усеянными гирляндами сновали люди. Город не спал, а, казалось, только начинал жить, и проезжая по дневной Москве, Эд не заметил такого движения, какое началось ночью. Чарующий город. И чарующая Луна

над ним, нормальная, двухнедельная. Напоминающая, что через две недели случится еще одно убийство, времени не так много.

– А ты крепкий, – раздался голос справа.

На соседнем балконе стояла женщина, молода, но уже не девушка. Она была из тех современных женщин, у которых с фигурой творилось черт знает что: длинная шея, маленькие груди, широкие бедра, невысока и худа. На остреньком лице застыла озорная улыбка, а большие миндалевидные глаза будто впились в Эда. Волосы такие темные, что казались, намазаны углем; собраны в небрежный пучок на макушке. Она стояла только в длинной мешковатой футболке, которая свисала на ней почти до колен, и через нее выступали маленькие пуговицы сосков. Женщина совсем не пахла, что начинало волновать. Все имеет свой запах, но не она.

– Нда, – пробормотал Эд, отворачиваясь к городу. – Как-то само вышло.

– Что? – голос у нее был слегка низкий и осипший.

– Я говорю, что ни килограмма не поднял, чтобы его таким сделать.

– Ваш род несет тяжелое проклятье, должно же быть в нем хоть что-то хорошее.

Женщина прислонилась к стене, все не отводила глаз. Эд же заулыбался. Мудрые слова на балконе отеля – как ему их не хватало.

– Я тебя разбудил?

– Нет, я не спала.

– Кричал?

– Скорее рычал, но поскуливал, иногда.

– Ты колдунья?

– Ведьма. Меня зовут Дарья, можно Даша. А тебя как?

– Эдуард Тарасов, можно Эд, – он слегка пожал протянутую руку. Мягкую и ухоженную.

– Так ты американец, ну надо же, – Даша улыбнулась еще шире. – И часто у тебя такое?

В смысле кошмаров.

– Нет, нам не снятся сны.

– А тебе приснился.

Эд не ответил, она тоже молчала. Огромный город, шумный, цветной, в нем бушевало цунами запахов. Москва кружилась вокруг, манила к себе. Эд знал, какие бывают ночи в подобных городах: во множество закоулков, дворов, клубов, известных и не очень, на целые улицы выходили люди, чтобы повеселиться под светом звезд и фонарей. А вместе с ними просыпались ночные призраки, скользящие в тенях, готовые ударить. Они смердели годами холодного одиночества, бездушной жестокостью и кровавым буйством. Но не здесь. В Москве витал совсем иной запах, к которому Эд все не мог привыкнуть. Вязкий, тягучий, в него можно запустить руку и выдрать кусок.

– Я могу помочь, – тихо сказала Даша.

– С чем помочь?

– С кошмарами.

– У меня больше не будет кошмаров...

– Поверь, будут, – она подошла к смежным перилам и подалась чуть вперед. – Кошмар – это не сон. Он всегда кажется реальным, потому что и правда реален, только вот происходит он не здесь и не с тобой. И кошмар никогда не приходит один. Ты будешь страдать ими все то время, что находишься в России.

– Даже не знаю, – протянул Эд. – И зачем тебе что-то делать для меня. Мы ведь даже не знакомы.

– Я чувствую, что ты должен быть в форме, и как можно скорее. Что ты должен делать что-то важное. А все эти сны могут выбить из колеи. Эд, я хочу помочь. Пойдем со мной.

Даша поманила его пальцем, и со смехом скрылась в комнате. Эд постоял немного и полез через перила. «Что она мне сделает?» – подумал он, раздвигая шторы комнаты. Это

оказался такая же спальня, как у самого Эда, только в ней витал аромат мяты и еще чего-то приторно-неприятного. На ковре перед кроватью горели желтые свечи, образовывая широкий круг, а в середине круга чуть светилась красная свеча. В круге сидела Даша, она улыбалась Эду, казалось искренне, весело, но и настойчиво. Так ли это, Эд не знал. Мало ли, что нужно этой женщине. Даша жестом указала на место в круге, напротив себя.

– Давно тут живешь? – спросил Эд, усаживаясь.

– Неделю, примерно.

Даша потянулась за круг, и ее футболка чуть отстранилась от тела. Эд увидел ее худенькое тело: свечи просвечивали футболку, и живот женщины казался приятного персикового цвета. Она снова села и прозрачность утонула в складках футболки. Даша, все улыбаясь, чуть подалась вперед и показала белый кубик.

– Теперь смотри прямо на свечу и говори.

– О чем говорить?

– О чем хочешь, только смотри на свечу и говори.

Эд опустил глаза на маленький огонек, трепыхавшийся от любого движения.

– А моргать можно?

– Да, – Даша смотрела на Эда, он это чувствовал.

– Может, расскажешь мне что-нибудь о себе? – спросил он, не отрываясь от огонька. –

А то я глупо себя чувствую.

Она хихикнула.

– Меня зовут Даша и я ведьма. Разве недостаточно?

– Ну, хоть откуда ты приехала и чем занималась эту неделю? – При каждом слове огонек свечи танцевал, изворачиваясь в каких-то немыслимых позах, но не затухал.

– Ты не знаешь того места, откуда я приехала. В Москве я прохожу испытания, готовлюсь стать настоящей ведьмой.

– А сейчас ты фальшивая?

– В звании ученицы, но завтра стану полноценной. А ты откуда приехал?

– Из штата Мэн. Это север Америки. Сюда на стажировку.

– Будете охотиться на того убийцу из леса?

– Да.

– Страшное дело. Я чувствую, что с ним будет много хлопот.

Эд поднял глаза на Дашу. Она склонила голову набок, в ее больших черных глазах мелькали крошечные отражения Эда.

– Ты много чувствуешь, надо сказать.

– Смотри на свечу, – она потянула его за нос, чтобы опустить голову. – У ведьм развитая интуиция. Мы чувствуем все, что происходит вокруг.

– Прямо как мы.

Даша взяла небольшую пластинку, что лежала рядом с ней на ковре, и кольнула одним из ее кончиков себе в левый мизинец. Выступившую капельку крови она размазала по белому кубику, который тут же все впитал.

– А что мы делаем?

– Это отворот, от кошмаров. Энергетика оборотней слишком сильная, и мне нужно ее как-то игнорировать, – она выдавила еще каплю крови и снова размазала по кубику. – Сейчас ты сосредоточен на свече, она впитывает часть твоей энергии, и это позволит мне проникнуть внутрь тебя.

– Что-то я не совсем понимаю, – Эд чуть отодвинулся. Происходящее начинало его беспокоить.

– А тебе и не надо понимать. Просто делай, что говорю, – Она снова размазала кровь по кубику, потянула его Эду. – Ешь.

– Что это еще за фигня?

– Сахар, с кровью. Тебе не привыкать, я думаю.

Эд взял сахар и сразу разгрыз. Как ни странно, кровь ничуть не смягчила его, а только укрепила, и его пришлось прожевать несколько раз. Только он проглотил сахар, как почувствовал, что что-то увлекает его назад. Даша уперлась руками в его плечи и поцеловала. Когда она с «чмоком» отстала, уже улыбалась не искренне, а какой-то нахально и требовательно. В глазах ведьмы играли огоньки свеч.

– А это... – пробормотал Эд.

– Часть ритуала, – и вновь долгий поцелуй.

Тут на Эда нахлынуло такое сильное влечение, что он встал вместе с ней на руках и кинул на кровать. Волк навис над ней, даже зарычал от желания. Даша змей выскользнула из футболки и чуть приподнялась на локтях.

– Часть ритуала, Эдвард, – ее улыбка хлестала, как плеть.

Волк зарычал громче...

... Даша тихо посапывала, прижавшись к груди Эда, как дети прижимаются к родителям – будто ища защиты. Он укрыл ее одеялом, а сам так и остался голым на сквозняке. Как странно все это. За двадцать лет новой жизни он привык видеть странности, участвовать в них, даже порой самому быть странностью, но это был перебор.

В голове крутились ее слова – «Должно же быть в нем хоть что-то хорошее». Оно зовется проклятием, что в нем может быть хорошего? Волчья горячка – так его называли колдуны древности. Сейчас же говорят, что это зараза, как какой-нибудь грипп. Так написано в учебниках, по которым учился Эд. Так говорят эксперты Управления. Так рычат сами волки. Но волчий ужас тихо шепчет, что все бред, придуманный от незнания. Внутри каждого Сущего таится что-то дикое, бездумное, но только в оборотнях это что-то доходит до грани, почти переваливает. Сейчас оборотень – красивый образ, романтическая история из романов, мечта наивных девочек и мальчиков... Но то, что внутри, отпугнет и нелюдя.

Проклятие многим глупцам казалось полезным. Оно дает силу, ловкость, оно затягивает раны на глазах и позволяет бежать сутки без передышки. Проклятье обостряет слух, нюх и зрение, показывает жертв в кромешной тьме. Оно дает бессмертие. Мнимое, конечно, до момента, пока кто-нибудь посильнее не порвет тебя на куски. Первая Кровь, текущая в жилах проклятых, дает бесконечное время, постепенно сводящее в безумие. Вечный контроль – вот что достается волкам на самом деле. И виной этому Луна – невыносимая тяжесть, преодолеть которую волк не в силах. Эд помнил свое первое обращение. Еще бы не запомнишь, как впервые сердце мечется под двести ударов в минуту, разрывая сухожилия и ломая кости. И если бы только боль, которую невозможно терпеть, была так страшна. Мысли, черные мысли, пролезают внутрь и заполняют собой все. Картины разорванного тела, запах мяса, такого сладкого, с сочащейся кровью – сначала они пугают, но потом дикий волк испытывает наслаждение, безмозглое и похабное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.